

Переводчик с человеческого

Бороться со злом, как Бэтмэн? Не смеши.

Я тоже один раз подумал, что сумею так. Эта мысль посетила мою голову довольно давно, мир ещё сильно отличался от нынешнего. Хотя каких-то двадцать лет прошло, сына.

Многое тогда было бестолковым и громоздким, например, мобильники. Но кое-что было и получше того, что сейчас. Могло бы быть и ещё лучше, наверное, просто мы мало старались. Или это я сам мало старался.

Вообще обвинять других в том, что тебе как-то некокосово - последнее дело. Надо самому хоть немного дёргаться в правильном направлении.

Если по правде, никто не виноват. Люди тебе по большей части добра желают, особенно если тебе меньше восемнадцати лет. Просто иногда по людям непонятно из того, что они делают и говорят, что это для твоего же блага.

Необходим такой переводчик с человеческого. У меня он давно в голову встроен. Вот, значит, когда это всё началось, мне было сильно меньше восемнадцати. Но больше, чем тебе сейчас.

Я учился в шестом классе. Одиннадцать лет.

Мы, кстати, прыгнули через один класс.

Четвёртого класса вообще не было, сразу после третьего пятый и шестой. Потому что мы лицеисты, в лицее ускоренная программа начальной школы.

Ладно, ты не про то хочешь слушать, а про борьбу со злом. Или на худой конец про переводчик с человеческого. Потерпи, будет тебе и то, и другое.

Вообще тогдашние школы не то что нынешние. Сейчас домашним обучением никого не удивишь, тогда это почти не встречалось. У многих не было компов и интернета.

Ладно, ладно, неважно, это я для контекста.

Первый случай, когда я боролся со злом, произошёл не в школе, хотя, казалось бы, там подходящее место. В школе бы я не справился, если бы все вдруг стали злом и на меня навалились. Тогда представляешь, какая была скученность? Если большинство не дома с компов и интернета учатся, а в здании тусуются, так это здание по швам трещит.

А у нас ещё и много новеньких со всего города принимали, лицей престижный, физика, математика, основы программирования, так в каждом классе была тьма народу. В нашем вообще был тридцать один человек, а парт в стандартном классе пятнадцать, при полном составе кому-то приходилось сидеть третьим с краю.

Бывало, не хватало стула. Да, и я в такую ситуацию попадал, а что, тут уж кто первый, тот и сел, кто успел, тот и съел, а кто не успел, тот по этажам ходит и ищет себе стул, пол-урока может пройти, пока найдёшь подпору для своего сидалища, красота!

Ну вот, не в школе всё это случилось, слава богу, а то бы я не отмахался.

Иду я, значит, после школы, уже фактически одной ногой дома.

Зашёл в свой двор.

У нас двор был узенький и по нему постоянно машины проезжали и парковались, у многих не было гаражей. Ты, когда у бабушки был, видел, я раньше там жил.

Вот я иду по дороге, до третьего подъезда надо добраться, промахнул уже второй и сзади слышу сигнал. Обычно в таких ситуациях я просто сдаю влево или вправо, заступаю на газон, чтобы машина проехала.

Но в тот день прошёл дождь, лужи натекли громадные, да ещё и смешанные с землёй с газонов, у нас тогда газоны делали абы как, и ещё на них парковаться любили.

Короче, ни влево в грязь, ни вправо в грязь мне не хотелось, и я обернулся на шум колёс, и хорошо сделал, что обернулся, потому что оставались считанные секунды. Я, когда обернулся, сразу отпрыгнул без разбора, куда, но машины нос, представляешь себе, вильнул за мной и стал ломать кусты сирени, по всему выходило, что он меня хочет расплющить об стенку дома.

Жигуль это был, как сейчас помню, мы в школе называли почему-то - жиган, наверное, это Пашка-пахан придумал, и все за ним повторяли. В общем, меня вот-вот бы расплющило, но я поднял руку и сделал кое-что, потому что я всегда это делаю в кошмарных снах, а мне на тот момент показалось, что я кошмарный сон вижу, а так, в жизни, я это делать стесняюсь. Я перекрестился. Вернее, даже не сам, а перекрестил водителя. Он, вижу, в баранку вцепился и сам не рад, что меня плющить собирается. И я его перекрестил.

Тормоза закрипели, как спина столетней старухи. И жиган встал. Всю грядку перепахал, газон в смысле, кусты поломал, но главное, ничего его не остановило, а я остановил.

Я так и застыл с поднятой рукой пальцами щепоткой, как памятник кормящему голубей.

Водила, которого я спас от колонии строгого режима, высадился, вылезла из машины и его жена, они сначала со мной стали разговаривать, ощупывать, и убеждаться, не ушибся ли я, и говорить, что очень волновались. То есть в исполнении водилы это звучало примерно как "сигналил тебе, ты чо, глухарь, уши оборву", и это я ещё маты за скобки вынес. Но имел в виду он только хорошее, это к вопросу о том, как с человеческого переводить.

Потом я аккуратно вылез из-за бампера и отряхивал спину, потому что прижимался к стене, а там штукатурка облезлая. Как видишь, я с детства аккуратист, ни в лужу, ни в штукатурку не стремлюсь.

А водила с женой возились с машиной, никак не могли её завести, чтобы с распаханного газона съехать. И говорили друг другу громко, что без машины им будет очень сложно жить, и что они не продумали до этого свои финансовые затраты на починку, и надо было копить на новое транспортное средство, ну, теперь они поставлены перед фактом, и, пожалуй, придётся менять работы на более денежные. Разумеется, исполняли они не такими словами и в основном обвиняли друг друга: "а ты под руку говоришь, когда я за рулём! Заткнись хоть раз, захлопни свою пасть, курва!" - тоси-боси, такое. Но имели в виду они, конечно, совсем другое, просто очень беспокоились за свою судьбу.

А вот я за них больше не беспокоился, мысли у них были конструктивные, и за себя больше не беспокоился, только за куртку, поэтому я ещё быстрее пошёл домой. Дома я снова осмотрел куртку, содрал её с себя и запихнул стираться.

От всех переживаний теперь хотелось есть, но макароны, оставленные мамой, были не в настроение. Требовалась глюкоза. В макаронах углеводы, конечно, но их же греть надо, а у меня мотивации не было.

Я сделал себе бутерброды с вареньем и сам не заметил, как переработал полбуханки, глядя в окно, пока не стемнело. Даже телик не включал. Об уроках и речи не было. Я осмыслял свою предыдущую жизнь и думал, к какому бы итогу я пришёл, если бы помер сегодня. Выходило не очень.

Я решил, что надо больше стараться, чтобы к моменту кончины представлять из себя хоть что-нибудь. А то смерть придёт, а ты не готов, садись, два. Можно людей спасать,

например, в моём возрасте уже спасают, недавно один пацан двоих первоклассников из котлована вытащил, моего возраста.

За размышлениями не заметил, как пришла мама. Она увидела, что я доел хлеб и варенье, и предложила мне поход в магазин для помощи уставшей ей. Поскольку она действительно устала, сказала она это тоже другими словами, но я перевёл влёт. Скомкал в кулаке бумажную мелочь, тогда карты детям не давали, сунул в карман пакет и отправился по делам. А мама грела себе мои макароны. Вот как удобно, что я их не съел!

Иду, помахиваю десяткой в кулаке. А на улице уже совсем стемнело. Фонари горят, но не везде. Тогда не везде фонари были, потому что правительство было бедное и не могло везде их поставить.

Иду и слышу опять скрип. Но не жигуль. А такой размеренный скрип, тиир-тиир, тиир-тиир. Качели не смазали опять. Вроде как противный звук, но мне так захотелось на качелях покачаться. Решил, хлеб возьму и пойду в соседний двор, звуки наверняка оттуда, там качелей две штуки.

Вообще я любил не спеша качаться, пацаны обычно всякие трюки выделывают, а я любил потихоньку, поразмышлять о жизни. Поэтому качаться лучше в темноте, спокойнее так, случайный свидетель не будет задаваться вопросом, не лох ли я.

Я зашёл в магазин, вышел с хлебом довольно скоро и почти ослеп от наступившей темноты. Что-то ненормальное с освещением, ремонтируют, что ли, бульвар стоял весь отключенный. Я перешёл его и попал в соседний двор.

Одни качели были пустые и в круге света от фонаря, ура, хоть тут работает, а другие качели прятались в темноте и поскрипывали. Тайно поразмышлять о жизни не получится, придётся на виду. Я положил пакет с хлебом рядом с качелями и сел на них, спиной к тем скрипящим, потому что сиденье было так повёрнуто. Мне, конечно, хотелось повернуться к темноте лицом, не то что я опасался чего-то, просто так интереснее. Кто вообще там сидит в поздний час? Дворник?

Я качался и смотрел в сторону бульвара. Вдруг там проехала машина и осветила фарами фигурку маленькой девочки.

Девочка бежала в мою сторону.

Тут мне стало стрёмно.

Качели, на которых я качался, со спинкой и с ограничителем, чтобы “солнышко” нельзя было сделать. Они как раз для маленьких детей. Придётся поделиться местом.

Осталось надеяться, что тот, кто качается в темноте, устанет и уступит мне место.

По бульвару проехала ещё машина, но девочку уже не осветило, девочка, наверное, пробиралась ко мне напрямую по кустам, не пользуясь дорожками.

Тут мне подумалось, что зло в фильмах ужасов нередко маскируется под маленьких девочек и, для честности отмечу, под маленьких мальчиков. Вообще подо всё маленькое и безобидное.

Но я эту мысль отмёл, я же не в фильме.

Девочка топала ко мне, шуршала кустами, как слон, за спиной скрипели качели. На счастье, появился со стороны бульвара женский голос, который кричал что-то насчёт дашенькаподождименя.

Я в ответ тоже подал голос, сообщил, что Дашенька здесь, тем более, что она правда выскочила к моим качелям в круг света, рискуя попасть под удар сиденьем, увидела мой пакет, бесцеремонно вытащила хлеб и стала его грызть. Я подумал, что мама обидится на грызанный хлеб, и мысль, что зло часто маскируется под маленьких девочек (для честности, и мальчиков), как-то укрепилась в моей голове.

Я соскочил с качелей и стал отбирать хлеб. Дашенька заревела, но только для виду, и быстренько села на освободившиеся качели.

То есть это был манёвр.

А могла бы попросить человеческим языком и я бы ей уступил. Наверное, она ещё плохо знает человеческий язык. Зато сразу почувствовала, что я не хочу слезать с качелей просто так, мелкие дети всё чувствуют.

Появилась её мама, запыхавшаяся, в каждой руке по пакету из того же магазина.

Ясно, на ребёнка рук не хватило, вот и убегает её Дашенька куда попало.

Это я не сказал вслух, потому что далеко не все люди умеют переводить с человеческого. Она бы не поняла, что это не упрёк.

За что спасибо, мама Даши поменяла мне погрызанный хлеб на свой из пакета. Есть в мире справедливость.

Правда, ржаной, а не батон, я не люблю ржаной. Справедливость в мире есть, но она неполная.

Я вспомнил, что, когда мы с Дашей боролись за батон, на вторых качелях в темноте кто-то хихикал, и пошёл туда, чтобы сказать и показать хихикавшему ещё что-нибудь весёлое. Люблю, когда весело людям.

Оказалось, что на качелях девочка, я её даже знаю, мы одного возраста, но она в школе по району учится, а я через полгорода в лицей езжу, сам, на транспорте. Имя не помню её уже. Вот парадокс: той милой Даши помню имя, а у этой своей ровесницы не помню.

Я говорю ей, своей ровеснице, без затей: давай вместе покачаемся. Раз уж она долго не слазит.

И думаю, что она меня пошлёт. Ну, в смысле, если перевести с человеческого, это будет значить, что я ей нравлюсь, но она не готова это признавать. Мне будет приятно и я с положительными эмоциями пойду домой.

Но тут ровесница говорит: хорошо. Давай качаться вместе. У меня разрыв шаблона. Я думаю: это что значит, я ей не нравлюсь на самом деле? А чего так хихикала?

Весь в непонятках.

Взбираюсь на качели. Пакет с хлебом беру с собой, а то Даша ещё здесь, вдруг опять покусится. Или ещё кто-нибудь. Какие-нибудь бешеные воробьи.

Стоим на качелях напротив друг друга, качаемся.

Пакет нас по бокам бьёт. А потому что сиденье у качелей узкое.

Мы друг к другу прижаты практически.

Какие-то странные почти обнимашки, когда ещё приседаешь по очереди.

Новые ощущения.

Качаемся невысоко, чтобы прочувствовать. Скрип только сбивает, а так интересно.

Лицо ровесницы я в темноте не вижу. Очки только блестят. В очках. Да, точно, я её знаю.

Мы уже почти остановились и тут она говорит: хочешь, я тебя целоваться научу? Ну, как не хотеть, мне ещё не случалось целоваться.

Только сейчас, погоди, я очки сниму, говорит, а ты пакет с хлебом убери и возьми меня за талию.

Пакет с хлебом я убирать не готов. Во-первых, рядом Дашенька эта, и вообще я параноик по жизни, пусть и усиленно это скрываю.

Говорю: хлеб убирать не буду, тут темно, вдруг случайно в лужу уроню. Нет здесь луж, говорит. Под качелями всегда лужа, а сегодня был дождь, говорю. Зануда, говорит, так и скажи, что не хочешь меня целовать!

А я не знаю, хочу я или нет, я же не пробовал, может, мне и не понравится. Ну почему, мне интересно, говорю.

И она очки снимает и целует меня.

Да не кричи фу, я нормально рассказываю, без подробностей, и вообще, фу потом покричишь, когда будет реальный повод, а он будет.

Она меня целует, я пытаюсь понять, нравится ли мне, и запомнить, что именно она делает, чтобы потом ещё с кем-нибудь повторить.

Короче, мозг перегружен процессами. И тут эти процессы ещё усложняются. Потому что она берёт меня за нижнюю губу зубами. Довольно сильно так вцепляется.

И я думаю: это должно так быть или нет? Мне точно нравится? Может, это как с курением, сначала не нравится, а потом может и понравиться? Нет, курить я тебя не буду учить, рано.

Ну и вот. Она повисла у меня на губе, как бульдог. Чмокает. Очень, блин, похоже, что кровь пьёт. Ну так-то точно не должно быть, да? Мы же не в фильме про вампиров. Но я её толкнуть боюсь. Она с качелей слетит и мне губу оборвёт за счёт силы тяжести. Маме придётся деньги тратить мне на починку губы, маму это точно не порадует.

Я решил, что процесс поцелуя слишком странный, чтобы его в этот раз изучать до конца.

Я не готов. И вообще всё как-то странно.

Может, я всё-таки сплю? Уснул на качелях?

Я опять сделал то, что во сне только не стесняюсь: перекрестил ровеснице живот.

И она челюсти разжала и отвалилась. Упала на спину с качелей. Потом вскочила и попыталась убежать, но я догнал, поймал. Говорю: ты куда? Она: отстань, debil!

Я так понял, что я ей всё-таки нравлюсь. Но так и не уяснил, понравилось ли ей со мной целоваться. Я и сам про себя не понял. Опыта мало, надо сравнивать.

Проверил, в порядке ли хлеб, не покусали ли его в темноте недоброжелатели, и пошёл домой. Шёл и думал: а может, моей ровесницей временно завладело зло и она решила не поцеловать меня, а сожрать? Или просто целоваться не умеет?

Если это зло, то я снова смог его изгнать. Похоже, во мне пробудилась полезная сила.

Я захотел изгнать зло из кого-нибудь ещё. Можно даже сделать это своей профессией. Тогда на смерть вообще всё равно, пусть приходит в любой момент, не стыдно помереть. Нужно завтра найти ещё какое-нибудь зло и попробовать его изгнать, чтобы понять, не случайность ли это.

В научном кружке нам говорят, что гипотеза должна подтверждаться эмпирически, то есть наглядно. Многочисленными опытами. А если зло то изгоняется, то не изгоняется, то это не канает. Это тогда не суперсила у меня, а какие-то прихоти зла. Пришло, ушло, раскланялось.

Назавтра я сидел на уроке русского языка и думал, сойдёт ли диктант за зло, и можно ли изгнать намерение провести диктант из головы учительницы знакомым тебе путём.

Но я опасался, что, если начну крестить учительницу, она мне дурку вызовет.

Диктанта я, конечно, избегу, но не тем путём, каким хотелось бы. Мама огорчится, придётся деньги тратить, меня из дурки выкупать. Нет, это не наш путь.

Пока я сидел думал, мы диктант по-бырому написали. Пришлось искать другое доступное зло. Но оно никак не находилось. То есть в школьных коридорах по-прежнему дрались, но никто никого не хотел убить или выпить кровь, насколько я успел заметить.

Да, камер наблюдения в школе тогда не было, поэтому драк случалось больше, даже и в лицее, роли не играет, насколько приличные люди учатся, всем время от времени нужно выпустить пар.

Тут у нас начался урок истории, и наконец случилась страшная штука, но лучше бы она не случалась. Я потом думал, что своими мыслями и попытками найти зло как будто это зло притянул.

В общем, у нас один новенький сидел за партой с пацаном, с которым я с первого класса учился. Этот мой давний однокашник - он вообще добряк. Мухи не обидит. И новенький тоже нормальный, шкодный только немного, ну все же дети.

И вот моего давнего однокашника вызвали отвечать с места параграф по истории. А новенький сидел за партой рядом. И когда мой давний однокашник садился после ответа, новенький что-то сделал.

Сначала никто даже не увидел, что он что-то сделал, но на весь класс раздался крик. Кричал как раз сосед новенького, только что ответивший параграф. Все вскочили к нему со своих мест, спрашивали, что такое. Но учительница выгнала почти всех из класса, оставила только новенького и его соседа.

Потом, через пол-урока почти, нас запустили обратно. До этого мы по этажу шлялись, не зная, чем себя занять.

В кабинет истории заходили директор и завуч, потом приехали родители пострадавшего, казалось бы, странно, что не приехали родители виновника, но, видимо, не могли.

Сплетни быстро разошлись. Мы уже всё знали, не удивлялись. С виновным потом разберутся, тут дело пахнет скорой.

Свидетели, сидевшие за партой позади новенького, сказали, что он взял в кулак ручку и поставил торчмя на сиденье, когда его сосед садился. И, видимо, думал, что сосед почувствует укол и остановится, а тот сел с размаху. Джинсы бы могли защитить, тогда в школу можно было носить джинсы, но у того парня были брюки, и ручка их проколола, и, видимо, серьезные повреждения нанесла.

Думать об этом без ужаса и ледяных пальцев у меня не получалось, если честно.

Пацаны решили, после того, как разборки с родителями закончатся, ещё сами поговорить с новеньким и, возможно, побить. Чтобы мозгов прибавилось.

На удивление, если кто-то такой вот безмозглый, колотушки на него иногда действуют. Может, мозг просто спит у них, а от неудобств резко просыпается. Наверное, слишком удобно было новенькому у нас в классе, вот и уснул мозгом. Только на шкоды направлял интеллект.

Но я всё-таки сомневался: если искать зло, то где оно - в новеньком? Или оно в тот момент, когда его будем бить, перейдёт в нас?

Чтобы расследовать этот вопрос, я сел рядом с новеньким на остатке урока истории. Пацанам сказал, что прослежу, дабы новенький не утёк после урока и не избежал общего обсуждения его поступка. Они посоветовали мне беречь задницу.

К счастью, учительница меня и не вызывала, пыталась провести классный час на тему человеколюбия вместо истории, хотя видно было, что вдохновения у неё нет ни на что. Пострадавшего забрали родители, а до этого он лежал на стульях сзади в кабинете.

Я сидел на стуле пострадавшего и чувствовал слабый запах хлорки, как будто недавно вытирали мой стул и под стулом. От этого стало подташнивать. Нет, всё-таки зло здесь. Оно совсем рядом. Прячется под запахом хлорки.

Я улучил момент и, когда новенький отвернулся, перекрестил его под столом.

Ничего не произошло. Я подумал, что это зло более стойкое, чем то, которое я встречал раньше, и надо побольше усилий. Я ещё раз перекрестил новенького. Опять никаких результатов, не считая того, что соседи сзади увидели и заржали. Демонов, говорят, изгоняешь?

Я решил отложить задачу по искоренению зла, вместо этого вырвал листок из тетради и написал: “зачем?” - и подвинул новенькому.

Он долго игнорировал мой вопрос, но наконец не выдержал и написал.

“Кнопки не было, тупанул”.

И закрыл лицо руками. Не, не так. Вот так сложил руки на парту и уткнулся в локоть, будто спит.

Никто ему не мешал, учительница не сделала замечание. Я сидел, смотрел на листок и думал.

Что значит “тупанул”?

Кнопки не было на стул положить. Да этот прикол из лохматых времён ещё деды использовали, стыдно повторять в наше время.

В смысле “тупанул”? То есть вот настолько?

Переводчик с человеческого в моей голове забарахлил и впервые не мог выдать результат.

У нас ведь математический класс. Что значит “тупанул”, к нам тупых не берут. Тем более новеньких из других школ.

Новенький, я знаю, отлично щёлкает задачи, играет в шахматы, он в курсе, что такое просчитывать свои действия на несколько ходов вперёд. Что значит “тупанул”, это просто нереально!

И я пришёл к выводу, что зло уже ушло из новенького, я не успел его вовремя изгнать. Оно выплыло чёрным облаком и повисло на ком-то другом, а он теперь не может объяснить свои действия.

Может быть, зло вернётся, когда парни начнут разговаривать с новеньким кулаками, например, перестараятся и убьют его. Или повредят сильно.

Зло выжидало, расплываясь над нашими головами.

Я сгрёб записку в карман, считая, что это послужит доказательством невинности новенького. Аргументом защиты.

Прозвенел звонок. Большая часть народу вышла из класса плотной толпой, окружив новенького. Я оказался затиснут в самую гущу. Шёл с ними, прикидывая, как начать разговор.

Такие серьёзные разговоры в школе не разговаривались. Неподалёку был пустырь.

Привели его туда. Он не сопротивлялся, не пытался сбежать.

Староста класса попросил новенького сказать что-то в свою защиту.

Новенький не принял шанса оправдаться. Знал, что липовый шанс. Стоял, уставившись в мокрую весеннюю землю, только губами шевельнул: “бейте”.

Тогда выступил я с листком в качестве вещдока.

Меня что-то понесло, если честно, я впервые выступал перед публикой на такую интересную и важную тему. Это вам не реферат по истории. Я рассказал и про свою теорию зла, и про случай с машиной, и про то, как из меня пытались выпить кровь, опустив подробности, которые могли бы насмешить и исказить впечатления. Показал записку новенького. Сказал, что зло нас оглушает, но это временный эффект, оно пытается добиться каких-то сиюминутных результатов и потом уходит. Наверное, терпения не хватает.

Вот, главное слабое место зла в том, что оно нетерпеливо.

А если мы будем терпеливы, мы по-настоящему сможем его победить.

Кулаками же мы только расширим эффект от зла.

Ну я и расширил эффект от зла своей речью! Бить, естественно, бросились не только новенького, но и меня. Решили, что мы заодно, а я просто какой-то, видимо, хитрый жук-демагог, а не избранный.

Мне прямо сильно досталось. Мне очень сильно досталось.

Еле встал, когда уже все ушли.

И крестить их не получалось, да и бессмысленно: одного обрабатываешь, ещё пять налетают.

Надо, наверное, подумать, как расширить эффект от моих способностей. Нужно, чтобы воздействие моё на людей распространялось не точечно, а веерно, как преломлённый луч в призме, и покрывало больше площади, тогда можно будет несколько людей захватывать.

Пока не мог встать, лежал, придумывал такой расширитель-преломитель. Рядом новенький лежит, стонет. Я сказал: если встанешь раньше, подними меня, что-то тяжело.

А он встал и плюнул на меня.

Сказал, что его не нужно было защищать и он лучше бы сдох. А я шизик.

По-моему, он заревел и ушёл.

Тоже мне, король драмы.

Можно было перекрестить его в спину, но что толку, если мозг спит. Да и зло в очередной раз улетело. Я же не успел предупредить его поступок. Не успел сработать. Не было ресурса.

А может быть, это и не зло было, в конце концов, слюна - это просто жидкость.

Я кое-как поднялся и пошёл домой. По пути у меня стало закрадываться сомнение.

Гипотеза не подтверждалась. Могли ли мои удачные эпизоды борьбы со злом оказаться случайностью?

Но если они случайные, положение очень печально. Значит, религия не работает, остаётся только наука. А как быть, если зло всё-таки существует и наука по этому поводу ничего не может поделать? Иногда даже увеличивает количество зла. Атомная бомба и всё такое. Иногда и уменьшает. Вакцины там всякие, борьба с чумой.

Но уменьшает наука какое-то постороннее зло, нечеловеческое. А вот это облачко, которое на человека налетает и усыпляет его мозг - вот с ним что делать?

Подобными вещами занимается психология, социология, философия и всяческая гуманитарщина, которую мало кто уважает. Уж молчу про религию.

Все, кто пытается заниматься проблемой зла, существующего между людьми, почему-то обречены на неуважение.

Вот меня, например, избили. Тут и переводить с человеческого нечего, били меня молча, доносили посыл напрямую.

Просто хотели, чтобы мне было плохо.

Я дошёл до дома и поднялся по лестнице, открыл дверь своим ключом. Думал, что быстро прошмыгну в ванную комнату, сниму изгаженную на пустыре одежду и запихаю в стиралку. Я же ненавижу свинство всякое. Хотелось побыстрее соскрести с себя одежду, как старую кожу. И мама расстроится, лучше, чтоб не увидела.

Но мама вышла встречать.

Дело в том, что у меня на лице синяков не было, меня били в основном по телу. Это староста всегда так делает, и другим так делать говорит, он хитрый, у него дед в полиции работает.

Мама увидела и решила, что я где-то специально извалялся по-свински и ещё новую куртку порвал посередине на спине, почти пополам. И ударила меня по щеке. На самом деле она не дерётся, но тут я увидел, как у неё в глазах потемнело, потому что куртка стоила много денег.

Мне хотелось крутую куртку, мне пошли навстречу, я не оправдал ожиданий.

Потом мама ушла в гостиную плакать.

Я пошёл в ванную и разделся, увидел, что под одеждой я пятнистый, полусиний.

Наверное, показывать это тоже не стоит, мама ещё сильнее расстроится. Поэтому я залез под душ, а после напялил халат махровый, почти мне до пяток. Папин халат, он забыл забрать с собой, когда переселялся.

Вышел в халате такой важный, как царь или барин. Ещё двигаюсь с трудом, медленно, поэтому кажется, что вальяжно.

Мама смотрела телевизор в гостиной, там говорили, что нас травит какой-то завод, что над городом нависло ядовитое облако, во многих районах ощущается скверный запах, у людей болят головы и сами они болеют. А всё это из-за того, что предприятия экономят деньги на фильтрах.

Вот, оказывается, экономить деньги тоже может быть злом.

Я хотел сказать об этом маме, но она явно была не в том настроении.

Так что я пошёл на балкон и стал смотреть на горизонт. Там у нас тоже трубы какие-то торчат, из горизонта, производственные. Я подумал, что это ведь и из них может идти ядовитое чёрное облако, и на всякий случай перекрестил трубы, хорошо, что они не дёргались туда-сюда.

Но, может быть, я опять опоздал? Ведь облако уже кое-кого отравило. Однако, если его не остановить, то оно будет возвращаться очень часто, потому что фильтры так и не заработают.

А если завтра завод обанкротится? Тогда выбросов не будет, но куча рабочих без зарплаты останется. Можно ли будет считать, что я победил зло, или оно перейдёт на рабочих?

А если бы завод взорвался? Ещё страшнее.

А если целенаправленно перекрестить руководителя предприятия, он купит фильтры?

И как до него добраться?

Слишком много вопросов.

Я вернулся к изобретению способов, позволяющих расширить воздействие жеста, изгоняющего зло.

Может быть, система зеркал...

Как поместить зло в зеркальный лабиринт? И не приумножится ли оно там?

Я подумал, что, может быть, священники и монахи умеют расширенное действие оказывать, у них, наверное, больше в этом опыта. Но у священников и монахов тяжёлая жизнь. Посты эти все, службы по много часов на ногах и без еды, ограничения, исповеди слушать страшно, а монахи вообще почти ничего за стенами монастыря не видят, справлюсь ли я? И как я пойму, что справился, если буду за стенами сидеть и не видеть эффекта?

Про жизнь священников и монахов я знал от бабушки, которая научила меня креститься. Я её водил в храм, потому что она была старенькая и ей надо было опираться на что-то посерьёзнее палочки. Она говорила: "ты моя палочка-выручалочка". Я бы ей сейчас позвонил, посоветовался, но на небо, к сожалению, не звонят.

Итак, даже если стать священником, нет гарантий.

Священники и монахи тоже могут совершать зло, ядовитое облако проникает всюду. Я думал, что надо ещё подумать, надо хорошенько подумать над будущей профессией.

Я бы хотел изгонять зло, но, кажется, мне это не под силу.

Те, кто хочет изгонять зло, ещё идут в солдаты и полицейские, но по факту сами легко зло и причиняют, стоит только новости посмотреть.

А супергероев не бывает.

Если кто-то говорит, что хочет стать Бэтмэном, остаётся только посмеяться, как я смеялся над тобой сегодня, а ты обиделся, а зря обиделся, ведь чтобы стать Бэтмэном, нужно много денег, как было у этого персонажа, а у нас столько нет, это тебе мама, то есть бабушка твоя, подтвердит.

Так вот я в итоге ни на что и не решился. Почему я и завёл с тобой этот разговор. Я понял, что ни один способ изгнания зла не даёт гарантий, и пошёл после вуза просто работать преподавателем физики. Потому что физика меня восхищает.

Мне нравится рассказывать и показывать людям, как устроен мир.

Вообще в мире меня устраивает всё, кроме зла.

Но если я не могу избавиться от зла, то я смогу пробуждать к миру любопытство. А от любопытства до любви один шаг, однокоренные же слова, уж это русичка смогла в меня вдолбить, хоть и плохо я диктанты писал.

Важно этот шаг совершить.

Я не совершил.

Зато я украл у мамы из аптечки таблетки со слабительным. И в школе перед обедом пробрался в столовую и бросил таблетки в каждый стакан с компотом, там, где стояла еда нашего класса. Да, и в свой тоже. Чтобы не было на меня подозрений.

Но в этот день в школе была олимпиада, и нам поменяли столы, наш стол отдали приехавшим из других школ олимпиадникам. И они все засели по туалетам, вместо того, чтобы олимпиаду писать. Был большой скандал, но виновников не нашли.

Вот такая штука бестолковая - зло. Даже пользу из него сложно извлечь.